

НА ЭТОМ ИГРЫ КОНЧАЮТСЯ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ПРЯТКИ

Спецназ КГБ

Александр Тамоников
Смертельные прятки

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Смертельные прятки / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2021 — (Спецназ КГБ)

ISBN 978-5-04-158202-9

На территории США под позывным «Марк» действует советский разведчик-нелегал. За годы работы ему удалось создать мощную агентурную сеть и передать в Москву немало ценных сведений. Чтобы облегчить работу «Марка» в помощь ему был направлен радист «Вик». Но новичок не выдержал напряжения конспиративной жизни и вскоре выдал «Марка», американским спецслужбам и сдался сам. Руководство КГБ срочно разрабатывает план по спасению своего разведчика. А на поиски «Вика» отправляется спецгруппа «Дон» майора Павла Семенова. Для бесстрашных бойцов наказать предателя становится делом чести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158202-9

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Александрович Тамоников

Смертельные прятки

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Тамоников А. А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

США, штат Колорадо, Денверский военный госпиталь, сентябрь 1955 года

Денвер, расположенный к востоку от Скалистых гор, в долине реки Саут-Платт, можно было назвать «мечтой американца». Местные жители прозвали его «город на мильной высоте» за точное совпадение цифры, измеряющей наибольшую высоту над уровнем моря, с американской милей. А еще – «полигон смерти»... С некоторых пор, разумеется, но все же...

Прозвище это являлось негласным, скорее тайным, и появилось у Денвера совсем недавно. Вряд ли земельный спекулянт из восточного Канзаса генерал Уильям Лаример, выкупивший участок у слияния рек Вишневым ручей и Саут-Платт, мог предположить, что судьба города, которому он лично дал название и вдохнул жизнь, подвергнется столь суровому испытанию. Тогда, в далеком 1858 году, Лаример мечтал увидеть Денвер, получивший имя в честь тогдашнего губернатора Канзаса, крупным объектом золотодобычи, а впоследствии и крупнейшим железнодорожным узлом, соединяющим все штаты.

Отчасти его мечты сбылись. Уже к 1863 году компания «Вестерн Юнион» закрепила за Денвером статус транспортного узла региона, сортирующего прибывающие грузы. 1 августа 1876 года территория Колорадо получила новый статус, став тридцать восьмым американским штатом, столицей которого провозгласили Денвер. К концу века город охватил разгул преступности, и все же это обстоятельство не помешало ему к началу нового века оказаться на третьем месте по численности населения к западу от Омахи. К середине 1950-х годов он стал местом сбора поэтов и писателей бит-поколения, а средний класс начал перебираться в пригород, отстраивая себе дома попросторнее. Город рос, хорошел и имел чудесные перспективы.

Но в 1953 году, когда по распоряжению министра энергетики в двадцати пяти километрах от Денвера был построен объект, производивший для ядерных боеголовок плутоний, ситуация резко ухудшилась. Очень скоро поползли слухи об утечке радиоактивных отходов, загрязнении атмосферы и увеличении раковых больных среди местного населения. Репутация города оказалась испорченной, радужные перспективы поблекли, и все из-за нестабильной политической обстановки и стремления государственных мужей удержать мировое лидерство в роли ядерной державы.

Тем не менее местные жители уезжать из Денвера не спешили. Город пережил много катаклизмов, переживет и этот, считали они. В городе продолжали строиться новые дома, открывались торговые лавки, кабинеты практикующих врачей, всевозможные учреждения бытового обслуживания. Особой достопримечательностью города Денвера являлся военный госпиталь Фисцимонс. Считалось, что специалисты госпиталя настолько хороши, что, когда у президента США Дуайта Эйзенхауэра случился инфаркт, по рекомендации лечащего врача его привезли именно в Фисцимонс.

Это случилось 25 сентября 1955 года, а 27-го, к вечеру, он уже рвался в бой, заявляя, что «государственные дела ждать не будут». Доктор Снайдер, его лечащий врач, заручившись поддержкой супруги президента, убедил того остаться в постели. Пока Мейми, жена Эйзенхауэра, подписывала открытки-ответы всем тем, кто в период болезни захотел поддержать Дуайта, лично пожелав ему здоровья, президенту оставалось лишь вспоминать, размышлять и сожалеть.

О чем он думал? На какие вопросы пытался найти ответ? Лежа в постели и глядя в окно, он размышлял о превратностях судьбы. За сутки до инфаркта он играл в гольф в Черри-Хилз,

за месяц – собирался с семьей в заслуженный отпуск, а за два... В этом и крылась причина болезни. Истинная причина.

Начало 1950-х оказалось сложным и для американского народа, и для правительства страны. Дуайт Эйзенхауэр вступил на пост президента в тяжелый период, когда противостояние между СССР и США обострилось до предела. Все мировое сообщество ощущало себя на грани ядерной катастрофы, и даже американское правительство, не так давно являвшееся монополистом в вопросе ядерного вооружения, благодаря стараниям Союза потеряло это преимущество и теперь уже не могло с уверенностью смотреть в завтрашний день. «Холодная война» начала очередной виток, а американский народ получил новую угрозу. На этот раз гонка вооружений грозила не только финансовым и психологическим кризисом, но и реальным уничтожением если не всего мира, то большей его части.

Перл-Харбор слишком явно показал, какова цена внезапного нападения, а скорость, с которой Советский Союз отвечал на каждое новое изобретение американских разработчиков ядерного оружия, давала повод снова и снова наращивать обороты. «Проект Манхэттен», специальная программа США по разработке ядерного оружия, которая вела свою работу с августа 1942 года, дала весьма ощутимые результаты. Ощутимые для всех. Тридцать третий президент Соединенных Штатов, Гарри Трумэн, наглядно показал военную мощь Америки, отдав приказ в августе 1945-го на бомбардировку японских городов.

Прав ли он был, приняв решение о бомбардировке? Стоило ли таким радикальным способом решать проблему отказа Японии от капитуляции? Два детища Манхэттенского проекта, урановая бомба L-11 с кодовым названием «Малыш» и плутониевый «Толстяк», шокировали своими возможностями не только японцев. Наглядная демонстрация заставила военный кабинет Японии под нажимом императорской власти подписать документ о безоговорочной капитуляции, тем самым доказав целесообразность решения Трумэна.

Как бы поступил на месте Трумэна он, Эйзенхауэр? Просчитав человеческие жизни, которые унесли всего два взрыва, смог бы он отдать такой приказ? Часть американцев считали Хиросиму и Нагасаки достойным ответом на Перл-Харбор. Так ли это? Большую часть гавани на острове Оаху занимала военная база Тихоокеанского флота Военно-морских сил США, и две с половиной тысячи погибших были военными. Здесь же речь шла о промышленных городах с мирным населением, насчитывавшим сотни тысяч человеческих душ. Да, в Хиросиме располагался штаб пятой дивизии и Второй основной армии, но мирных жителей там было гораздо больше, чем военных.

С другой стороны, на тот момент в войне против Японии уже погибло более двухсот тысяч американских подданных. Только в ходе операции по захвату японского острова Окинава армия Америки потеряла более десяти тысяч погибшими. Тридцать девять тысяч были ранены, а значит, тоже пострадали. Военные аналитики от вторжения в саму Японию ожидали потери в десятки раз превышающие потери при Окинаве. Так как ответить на вопрос: стоят ли десятки тысяч жизней американцев десятков тысяч жизней японцев?

Эйзенхауэр благодарил судьбу, что ему не пришлось принимать подобного решения. Как и решения относительно начала корейской войны. Когда он занял пост президента, война между Красной Северной и Южной Кореей шла полным ходом. Активные боевые действия на Корейском полуострове обострили внутренние противоречия в США. Рядовые американцы хотели знать, за что гибнут их сыны, и не хотели мириться с их потерей. Основой предвыборной кампании Эйзенхауэра было обещание покончить с войной в Корее, и это обещание он сдержал. В июле 1953 года воюющими сторонами было подписано перемирие. Пусть еще не мирный договор, но тем не менее...

А вот второе по значимости предвыборное обещание Дуайт Эйзенхауэр, как ни старался, выполнить не мог. Перемирие между двумя Кореями по сути ничего США не принесло. Победителей в войне не оказалось, боевые действия как начались на тридцать восьмой параллели,

так на ней и закончились. Для Америки это означало усиление «холодной войны», а это, в свою очередь, заставило действующего президента продолжить гонку вооружений.

Всеми виной страх, обычный человеческий страх. Нельзя допустить, чтобы противник превзошел тебя в вооружении, по численности войск, военной техники и авиации. Это просто недопустимо, если ты болеешь за свой народ! Период, когда американцы могли смело заявлять, что ни один правитель в здравом уме не станет посягать на интересы США, так как в их руках мощнейшее на всей планете оружие максимальной разрушительной силы, продлился совсем недолго. Уже в августе 1949 года Советский Союз провел испытания своей первой атомной бомбы. Успешные испытания.

И Америка перестала быть единственной ядерной державой. Но сдаваться никто не собирался. Ученые продолжали свою работу, и в ноябре 1952 года получили и испытали первый в мире термоядерный заряд. И что же? К августу 1953 года в СССР была готова водородная бомба. Не заряд, а полноценная бомба, испытания которой прошли так же успешно.

Америка подготовила новый реванш: испытания двухступенчатого заряда на атолле Бикини Маршалловых островов. Энерговыделение при взрыве достигло пятнадцати мегатонн – самое мощное из всех ядерных испытаний. Прошло оно не совсем так, как планировали специалисты, но дало правильное направление на пути к успеху. Теперь у США была возможность разработать миниатюрные водородные бомбы, которые можно будет перемещать на специальных самолетах-бомбардировщиках куда угодно.

Тут бы и успокоиться, но... Главы разведывательного управления получили секретную информацию, что СССР в качестве ответа на американские испытания «Касл Браво» готовит очередной сюрприз. По данным разведки, Советский Союз вел разработку двухступенчатого заряда, только испытание он планировал провести не как проверку отдельного заряда, а как взрыв полноценной бомбы. Получалось, что у Союза в вопросах ядерного вооружения снова появлялось преимущество. По данным ЦРУ, к концу 1951 года СССР владел почти тридцатью водородными бомбами, готовыми к применению. В совокупности со стратегическими бомбардировщиками, имеющими возможность совершать межконтинентальные перелеты, количество которых в СССР росло с каждым годом, это означало, что коммунистические власти могли с легкостью стереть с лица земли половину Америки.

Вот почему свое обещание направить средства, высвободившиеся благодаря прекращению боевых действий, в Фонд реконструкции и развития Эйзенхауэр выполнить никак не мог. Он должен был продолжать участвовать в гонке вооружений, так как считал, что тем самым укрепляет безопасность Америки.

Последствия испытаний на атолле Бикини оказались для Штатов неблагоприятными в плане общественного мнения. Мощность взрыва в два с половиной раза превысила расчетную. Радиационный фон от взрыва привел к человеческим жертвам.

Так, на необитаемом краю атолла Ронгелап, расположенного почти в двухстах километрах от Бикини, радиационный фон достиг 1000 рентген в час. И это при 600 рентгенах смертельных для человека! На южном, обитаемом, краю он достиг 300 рентген в час, отчего лучевой болезнью заболели шестьдесят четыре жителя. Радиоактивная пыль из облака осыпала японское рыболовное судно «Фукурю-Мару», находившееся в ста семидесяти километрах от взрыва, и привело к сильному облучению команды.

Эти инциденты повернули общественное мнение против испытаний ядерного оружия. Антиядерные демонстрации прошли по всему миру, заставив представителей власти по-новому взглянуть на последствия ядерных взрывов. Все чаще стали звучать призывы к разоружению и прекращению любых ядерных испытаний. Но на это Эйзенхауэр пойти никак не мог! Он должен был наращивать мощь страны, должен был сохранить превосходство США по количеству ядерного оружия. Он понимал, что новые бомбы – это новые затраты и рост напряженности. Но что можно было с этим поделать?

Несмотря на явный тупик, в котором он оказался, Дуайт продолжал искать выход, и вот в начале 1955 года ему показалось, что он его нашел. Свободное небо! Что, если США и СССР откроют друг другу воздушное пространство, позволят использовать свои аэродромы для разведывательных полетов? Почему нет? В себе Эйзенхауэр уверен: американская мораль и открытый характер не допускают мысли о проведении секретной мобилизации. Америка ничего не потеряет, дав Союзу возможность совершать полеты над своей территорией. Зато, получив такое право, приобретут они много. Будь у США возможность летать над Союзом, новый, на этот раз ядерный, Перл-Харбор они не допустят. У Советского Союза просто не останется такой возможности, так как не останется возможности скрыть увеличение военной мощи и своей активности.

Чем больше Эйзенхауэр думал над этой идеей, тем больше она ему нравилась. Идеальный выход из тупика. А как звучит! Принцип «открытого неба»... Чудесная мысль! Однозначно, чудесная. Можно сказать, революционная! По его распоряжению над Союзом был проведен уже не один разведывательный полет. Но одно дело – действовать тайно, и совсем другое – имея официальное разрешение.

От тайных полетов результатов американское правительство не получило, так как вторгаться в воздушное пространство слишком далеко означало нарываться на еще больший конфликт. Но останавливаться Эйзенхауэр не собирался. Совсем скоро он получит в свое распоряжение самолет-разведчик, недостижимый для средств противовоздушной обороны, а в совокупности с новейшими достижениями в области фотоаппаратуры, согласится Советский Союз на предложение «открытого неба» или даст отказ, уже не будет иметь столь принципиального значения. Для себя Эйзенхауэр решил твердо – он непременно получит возможность фотографировать территорию СССР.

И все же получить согласие было бы куда удобнее и выгоднее. Эйзенхауэр видел своей главной целью снижение напряжения между СССР и США, а практика секретных полетов могла усугубить и без того серьезную ситуацию. Принцип «открытого неба» все изменит, все расставит на свои места и позволит ему как президенту перейти к более приятным обязанностям. Об этом он мечтал, пока готовился к саммиту в Женеве. Об этом он вспомнил в первую очередь, когда оказался в денверском госпитале.

Короткий стук в дверь вывел Дуайта из состояния задумчивости. Он повернул голову и негромко произнес:

– Входите.

– Добрый вечер, господин президент, – в дверь заглянул доктор Снайдер. – Не заняты?

– Не занят? Смешной вопрос. – Эйзенхауэр невесело улыбнулся. – Все, чем мне остается заниматься – это копаться в прошлом, выискивая совершенные ошибки.

– Занятие не из приятных. – Доктор Снайдер сочувственно покачал головой. – Вам бы следовало вспоминать что-то более приятное. Для здоровья полезнее.

– Возможно, вы и правы, доктор. Надо было взять пример с Мейми. Наверняка ее мысли сейчас намного позитивнее моих.

– А чем занята ваша супруга? – вежливо поинтересовался доктор Снайдер.

– Пишет ответы всем тем, кто изъявил желание выразить свою поддержку президенту. – Дуайт снова улыбнулся, но улыбка не получилась. Было видно, что мысли его далеко.

– Пришел господин Даллес, – сообщил доктор Снайдер, приступая к осмотру.

– Почему же он не вошел? – удивился Эйзенхауэр.

– Потому что здесь, в госпитале, не вы главный. – Снайдер едва заметно улыбнулся. – Для начала мы вас осмотрим, решим, выдержит ли ваше сердце очередную нагрузку, и только после этого станет ясно, состоится ваша встреча с господином Даллесом или же ему придется уйти.

– То есть как уйти? Раз Джон пришел, значит, решение каких-то вопросов отложить нельзя. Не вздумайте его выгонять!

Возмущение Эйзенхауэра было не совсем искренним. На самом деле Дуайт был бы не против, если бы доктор Снайдер нашел причину отложить встречу с Даллесом хотя бы на несколько дней. Джон Фостер Даллес вот уже два года занимал пост госсекретаря при президенте, а Эйзенхауэр все никак не мог определить своего отношения к нему.

Семья Даллеса играла существенную роль в политической истории США. Дед Даллеса служил государственным секретарем при президенте Гаррисоне, дядя – госсекретарем при президенте Вильсоне. Видимо, поэтому и Джон Фостер Даллес решил выбрать для себя карьеру политика и дипломата. Отучившись в Принстонском университете и окончив юридический факультет Университета Джорджа Вашингтона, он поступил на службу в юридическую компанию специалистом по международному праву, где оттачивал мастерство политика и дипломата.

Особых нареканий на работу Даллеса Эйзенхауэр не имел, он по праву считался искусным политиком и дипломатом. В 1942 году Даллес стал председателем Комиссии в защиту справедливого и прочного мира, разработал манифест «Шесть столпов мира», в 1945 году участвовал в конференции в Сан-Франциско и в составлении устава Организации Объединенных Наций, после чего на протяжении трех лет был там бессменным делегатом от США. Помогал в разработке плана, предусматривающего послевоенную помощь Европе. Одним словом, твердо шел к намеченной цели.

В начале 1950-х его карьера перешла на новый уровень: занимая должность помощника госсекретаря, он вошел в число политиков, формирующих внешнеполитическую арену США. Поэтому перед Эйзенхауэром, когда в 1953-м он одержал победу на выборах, не возникло вопроса, кого поставить на должность госсекретаря.

Но в последнее время с Даллесом стало тяжело. Дело в том, что Даллес был ярким противником коммунизма, коммунистического блока и идеологом борьбы с СССР. Его одержимость антикоммунистическими настроениями порой казалась сродни болезни, особенно резко проблема обострилась за последний год. Даллес буквально бредил сохранением влияния США на Западную Германию. «Нельзя допустить распространения коммунистического влияния в Европе, и в этом нам поможет возрожденная Германия» – такими речами Даллес наполнил все свои публичные и полупубличные выступления.

По большей части благодаря параноидальной заикливости Даллеса на борьбе против коммунистов и искоренении коммунистического влияния Дуайт Эйзенхауэр так активно продвигал доктрину «массированного возмездия», или, другими словами, неизбежную войну между СССР и США. Военно-стратегическая «теория домино», которая предостерегала другие страны, говоря, что не стоит забывать, кто есть кто, если только нет желания потягаться с Америкой военными и политическими силами.

Все эти доктрины исходили от Даллеса, получали поддержку Эйзенхауэра и безоговорочно принимались правительством. Вплоть до Женевской конференции. Конечно, Дуайт Эйзенхауэр понимал, что позиция, занятая им и Даллесом, держит советско-американские отношения в напряжении, можно сказать, они балансируют на грани войны, но сейчас он начал понимать, что их позиция, мягко говоря, потеряла актуальность. В новых реалиях следовало искать новые подходы. Изолировать Советский Союз становилось все более невыгодно, а бросать открытый вызов – просто глупо. Пришло время найти возможность сосуществования. Этим Эйзенхауэр и собирался заняться в Женеве.

Но если Эйзенхауэр придерживался мнения, что отношения с Союзом все же нужно укреплять, то госсекретарь Даллес был категорически против этого. Более того, он считал недопустимым даже нейтралитет по отношению к советской коммунистической идеологии и ее пагубного влияния на мир. Мнение, которое не совпадает с мнением Соединенных Штатов, – ошибочное мнение, которое требуется искоренить, – такова была позиция Даллеса. Позиция,

которую президент Дуайт Эйзенхауэр не желал обсуждать, лежа на больничной койке, тем более после провала в Женеве.

Тем временем доктор Снайдер закончил осмотр, остался доволен состоянием пациента и заявил:

– Думаю, десять-пятнадцать минут вы можете уделить государственным делам, но не более того. Попросить господина Даллеса войти?

– Конечно, доктор Снайдер, зовите. – Президент вздохнул с сожалением и приготовился к массовой словесной атаке.

– Господин президент, доброго вам здоровья, – ввалившись в палату, наигранно произнес Даллес. – Говорят, сегодня вам лучше?

– Добрый вечер, Джон, – поздоровался президент. – Да, сегодня гораздо лучше.

– Я говорил с врачами. Меня заверили, что инфаркт не был обширным. Нам повезло.

– Наверное. – Дуайт не стал уточнять, кому и в чем повезло, уверенный в том, что Даллес даст пояснения сам. Он не ошибся. Выдержав незначительную паузу, Даллес перешел к обсуждению вопроса, ради которого пришел.

– Состояние вашего здоровья вызвало серьезные опасения в государственном аппарате, – начал Даллес. – Инфаркт – вещь серьезная, от такого рукой не отмахнешься.

– Даже президенты имеют право болеть, Джон, – мягко произнес Эйзенхауэр. – Не думаю, что вам стоило приезжать. Пару недель, и я снова буду в строю.

– Рад слышать, что настрой у вас самый оптимистичный, но повторюсь: инфаркт не ушная инфекция, от него просто так не отмахнешься. И потом, две недели – большой срок для президентских забот. Кто-то должен возглавить аппарат до вашего возвращения.

– Разве у нас нет готового решения этого вопроса? – притворно удивился Эйзенхауэр.

– Вы имеете в виду вице-премьера? – Даллес едва заметно скривился.

– Его право взять на себя заботы о государственных вопросах закреплено в Конституции, разве нет? – напомнил Эйзенхауэр. – Ранее я давал распоряжение относительно созыва кабинета и Совета национальной безопасности. Они должны проходить по утвержденному графику, несмотря ни на какие осложнения, в том числе невзирая на мою болезнь.

– Хотите, чтобы Никсон провел заседание кабинета министров? А через год занял ваше место в президентском кресле? – Даллес решил говорить открытым текстом. – Стоит вам сейчас ослабить свое влияние и дать возможность Ричарду Никсону проявить себя слишком явно, и победы в президентских выборах 1956 года вам не видать.

– Кто сказал, что я буду выдвигать свою кандидатуру? – Эйзенхауэр удивленно приподнял брови. – Этот вопрос еще даже не обсуждался.

– Значит, самое время начать обсуждение, – заявил Даллес. – Ваши друзья, ваши коллеги и члены Республиканской партии не хотят чувствовать себя покинутыми в случае, если победа на выборах останется не за вами. Вопрос в том, позволит ли ваше нынешнее состояние выдвигать свою кандидатуру.

Эйзенхауэр открыл было рот, чтобы повторить фразу насчет выборов и... снова закрыл. Он понимал, чего опасается Даллес. Тот, кто сейчас возьмет власть временно, будет брать ее не на один год, а с дальним прицелом на следующие четыре года, на новый президентский срок. Инфаркт мог отнять у Эйзенхауэра возможность баллотироваться снова. Конечно, времени для того, чтобы восстановить здоровье, пока достаточно, но если его кресло сейчас займет тот, кто сможет завладеть умами и сердцами американцев, повторно свои голоса они за Эйзенхауэра уже не отдадут.

– Надо определиться, стоит ли отдавать бразды правления Ричарду Никсону. – Даллес будто прочитал мысли президента. – Уверяю вас, есть более нейтральные кандидатуры, которые справились бы с замещающей ролью и не создали бы проблем впоследствии.

– Знаешь, Джон, совсем недавно я обдумывал один весьма важный вопрос. На эти мысли меня натолкнуло следующее обстоятельство: Уинстона Черчилля не было на Женевском совещании. Странное это было ощущение: проходит мероприятие на высшем уровне, а главы Великобритании нет. О, конечно, Энтони Иден занял его место, но ведь он – не Черчилль! В то же время у меня было ощущение, что все, что происходит, закономерно. Черчилль слишком долго оставался у власти. Формулировка «по возрасту и состоянию здоровья» совершенно не отражает причины, почему ему пора было уйти. Возраст тут ни при чем, и здоровье тоже, в этом я совершенно убежден. – Голос президента, сперва звучавший тихо, проникновенно, постепенно набирал силу. – Обычно, человек, умственные способности которого снижаются или, как сказали бы врачи, начинают угасать, не догадывается об этом до самого последнего момента. Я видел много людей, которые «висели на ниточке» слишком долго. Они считали, что на них лежит масса обязанностей, выполнить которые, кроме них, никто не сможет. На земле просто нет человека, который бы справился с задачей лучше, чем они, – так считают многие. И вот я задумался: вдруг такое происходит и со мной? Вдруг я тот, кто «висит на ниточке»? Так стоит ли рваться к власти, когда мозг начал понемногу угасать?

Эйзенхауэр прервал речь, потянулся к стакану, стоящему на прикроватной тумбочке. Даллес поспешил помочь. Эйзенхауэр утолил жажду и продолжил. На этот раз голос его, совершенно лишенный эмоциональной окраски, звучал монотонно:

– Позвольте Никсону сделать свою работу. Уверен, он справится и не доставит нам проблем. Его положение сейчас незавидное, любое его действие может быть расценено как ошибочное, а для будущего баллотирования в президенты это совсем нехорошо. Если он отстранится от власти, откажется ее принять сейчас, то его посчитают неподготовленным и неуверенным в себе. Если же попытается взять власть в свои руки слишком активно, его назовут жестоким и невнимательным. Но я уверен, он найдет компромисс, который всех устроит, в том числе и вас, Джон. А теперь идите, я хочу побыть один.

Джон Даллес молча вышел. Президент закрыл глаза, откинулся на подушки и тяжело вздохнул. Ему предстоял еще один нелегкий разговор, на этот раз со своей женой. Он знал, что в итоге она все равно согласится, поддержит его, но начинать разговор всегда было сложно, так как первой ее реакцией обязательно будет разочарование.

Отвечая на вопрос Даллеса, думал ли он о том, как отразится его болезнь на будущей избирательной кампании, Эйзенхауэр слукавил. Он сказал, что вопрос о том, баллотироваться ли на второй срок, еще не обсуждался, но это было не так. Будучи в отпуске, они с женой не раз возвращались к этой теме. И каждый раз и он, и она находили сотню доводов в пользу отказа от президентства. Они говорили, что могли бы переехать на ферму в Геттисберг, вложить в нее средства и жить там. Идеальное место для восстановления сил после долгой борьбы за власть. Они даже обсудили преимущества выращивания ангусских пород скота перед остальными породами!

Как была счастлива Мейми, как радовалась тому, что скоро не нужно будет постоянно быть на виду, не нужно будет соответствовать статусу первой леди. Можно просто жить. Когда у Дуайта случился инфаркт, Мейми еще сильнее ухватилась за идею отказаться от президентства и переехать на ферму. И вот теперь он должен ее разочаровать. Почему? Да потому, что именно на больничной койке он окончательно понял, что еще не все сделал, не все закончил, не со всеми проблемами разобрался. У него еще остались неоплаченные долги, которые следует оплатить. И мозгу его еще очень далеко до угасания. Вот почему он должен набраться сил, восстановить здоровье и продолжить борьбу с коммунистической идеологией Советов. Нужно добиться принятия проекта «Открытое небо». Проекта, который буквально за пару минут уничтожил один-единственный человек!

Дуайт Эйзенхауэр напрочь забыл о том, что собирался поговорить с женой. Он снова углубился в воспоминания. На этот раз он вспоминал Женевское совещание. Собрать глав

правительств четырех стран для обсуждения ряда важных вопросов было инициативой Великобритании. Премьер-министр Иден из кожи вон лез, чтобы показать избирателям, насколько он, член Консервативной политической партии, может быть открыт для новых идей.

Сам Эйзенхауэр, а тем более его госсекретарь Джон Даллес особого смысла в конференции не видели. Обсуждать судьбу оккупированной Германии с представителями Советского Союза? К чему тратить время, если коммунисты никогда не пойдут на компромисс, придерживаясь политики экспансии. Но британская сторона настаивала, и в конце концов Вашингтон согласился поддержать инициативу Идена. Париж и Москва также дали свое согласие.

Несмотря на все сомнения, в Женеву Эйзенхауэр прибыл в приподнятом настроении. Ему не терпелось взглянуть на новых советских лидеров. После смерти Иосифа Сталина прошло два года, власть в Советах сменилась, и понять, кто там теперь у руля, было для Эйзенхауэра весьма полезно.

С министром иностранных дел Молотовым Эйзенхауэр встречался в 1945 году, с Георгием Жуковым, нынешним министром обороны, имел теплые отношения, а вот с председателем Совета Министров Булганиным и первым секретарем Коммунистической партии Никитой Хрущевым знаком не был. «Кто из них на самом деле управляет СССР? – размышлял Эйзенхауэр, посещая официальные приемы. – Никогда не поверю, что эти четверо действительно делят сферы влияния поровну». Справкам, составленным ЦРУ на каждого из четверых, Эйзенхауэр тоже не особо верил, уж слишком расплывчатыми были сведения. Определить, кто в СССР теперь главный, стало одной из задач, которые наметил для себя Эйзенхауэр.

Первым он решил прощупать Жукова. Министр обороны, имея он реальную власть в своих руках, мог бы существенно облегчить задачу принятия идеи «открытого неба». Эйзенхауэр надеялся, что прежняя симпатия, сложившаяся между ним и Жуковым после Второй мировой войны, поможет наладить не только личные, но и политические отношения.

Увы, надежды на легкий успех пришлось отбросить сразу же. Одна беседа с Жуковым – и Эйзенхауэру стало понятно, что он не тот человек, который имеет влияние в эшелонах власти СССР. На том приеме он все свое внимание отдал советской делегации. Он даже за ужином сел рядом с Булганиным, Молотовым и Хрущевым. Пользуясь случаем, он завел разговор о термоядерном оружии.

– Я уверен, каждый из вас не раз задумывался над тем, какую ответственность накладывает на нас как на глав государств владение термоядерной бомбой. Необходимо найти способ контролировать угрозу, которую создает ее наличие. Это очень важно, ведь если ситуация выйдет из-под контроля, пострадают невинные. Обмен ядерными ударами приведет к неизбежным потерям, на Земле просто не останется места, которое избежит радиоактивного заражения.

Эйзенхауэр говорил с жаром, надеясь вызвать советских представителей на ответные эмоции. Но те сидели, согласно кивали, вставляли короткие реплики и при этом оставались бесстрастными. Казалось, тема их совершенно не интересует. Президента США это не огорчило. Для него беседа за ужином служила всего лишь одним из эпизодов в обширной программе подготовки презентации главного вопроса – проекта «Открытое небо».

18 июля на церемонии открытия конференции Эйзенхауэр читал приветственную речь. Позиция его при этом оказалась крайне жесткой. Первым вопросом он поставил обсуждение «проблемы объединения Германии и образования общегерманского правительства путем свободных выборов». Он также настаивал, что Германия должна стать полноправным партнером НАТО. Затем Эйзенхауэр поднял проблему «международного коммунизма и организации революций в мире» и потребовал обсуждения этих вопросов, зная, что СССР не даст достойного ответа ни по одному вопросу.

Когда подошла ее очередь, советская сторона представила план обеспечения коллективной безопасности в Европе. План делился на две части. В первой говорилось о заключении

многостороннего договора с ГДР и ФРГ. Главной идеей было принятие обязательств полного отказа от применения силы в решении международных споров. Во второй части предусматривалось формирование системы гарантированных обязательств по обеспечению военно-политической безопасности для всех европейских стран. Союз предлагал постепенно распустить военные блоки, имеющиеся в Европе.

Предложения Москвы не приняли. Эйзенхауэр видел, как сильно разочарованы представители СССР. Он ждал, когда придет время выложить свой план, и очень надеялся, что его подобное разочарование не постигнет. Три дня шли выступления, баталии и споры, три дня обстановка то накалялась, то затухала. И вот наступило 21 июля, день, когда Эйзенхауэру предстояло выступать во Дворце наций. Он вышел на трибуну, чтобы произнести речь на тему разоружения. Пару-тройку предложений сказал по общим вопросам, затем перешел к исполнению своего плана.

– Я, как представитель американского народа, ищу путь, нечто такое, что бы позволило всем убедиться в искренности Соединенных Штатов. И чтобы это помогло нам найти подход к проблеме разоружения. – Сейчас он смотрел только на представителей советской делегации. Он обращался прежде всего к ним. – И в этом свете я предлагаю нечто совершенно новое, кардинальное, но от этого еще более привлекательное. Я предлагаю, чтобы каждая сторона дала другой подробную схему своих военных объектов, а затем мы создадим внутри наших стран условия для проведения аэрофотосъемок другой стороной. Я предлагаю ввести проект «Открытое небо».

Не успел Эйзенхауэр закончить фразу, как за окнами раздался ужасный раскат грома, лампочки в зале заседаний Дворца наций моргнули и потухли. По залу пробежал не то вздох, не то стон. Затем свет включился. Эйзенхауэр продолжал стоять на трибуне. Слегка ошарашенный, растерянный, он пытался взять себя в руки. Когда ему это удалось, он с улыбкой произнес фразу, которую впоследствии разнесут по всем СМИ:

– Да, я, как истинный американец, мечтал произвести сенсацию своим заявлением. Но не думал, что выйдет так громко.

После этих слов грянули овации, обстановка сразу разрядилась, и представители четырех стран перешли к обсуждению проекта «Открытое небо».

Первым высказался премьер-министр Великобритании Энтони Иден. Он похвалил саму идею, отметил, что подобная инициатива благоприятно скажется на внешнеполитических отношениях между странами, если две ядерные сверхдержавы подпишут соглашение и откроют друг другу свое небо.

Французская сторона тоже возражений не имела, хоть премьер-министр Фор и высказался более сухо, это не было отказом.

Эйзенхауэр уже потирал руки, готовясь праздновать полную победу, когда на трибуну вышел представитель советской делегации Булганин. Он сразу же привлек к себе взгляды аудитории. Николая Булганина мало кто знал в лицо, но и тем, кто его знал, было интересно посмотреть на реакцию человека из Советского Союза. Булганин безусловно знал, какой интерес вызовет его персона. Он стоял и несколько минут ждал, пока внимание с его внешности переключится на то, что он собирается сказать.

Пятидесятилетний мужчина представительного вида. В шикарном костюме, как полагаются, при галстуке. Светло-русые, тронутые сединой волосы крутой волной уходят на затылок. Глаза смотрят прямо и открыто. Общее благоприятное впечатление немного портил выпирающий вперед подбородок и чересчур суровые брови.

– Вопрос, поставленный перед нами господином Эйзенхауэром, – выдержав паузу, начал Булганин, – весьма интересен. Открыть границы всем без исключения. Показать все военные объекты, более того, отметить их на карте. Идее в смелости не откажешь. Еще более смелое заявление о том, что американская сторона готова уже сейчас открыть для всех желающих

доступ на свои воздушные территории. Вопрос, по всей видимости, заслуживает серьезного внимания, и советская делегация непременно займется его изучением.

Булганин вернулся на место. Эйзенхауэр провожал его разочарованным взглядом. И это все?... Все, что он считал нужным сказать? Глобальности вопроса как не бывало, словно представителям Союза предложили купить песок в пустыне или соленую воду в Атлантическом океане! Да что они о себе возомнили?! Считают себя выше всех – выше французов, выше англичан. Выше и важнее! Ну, разумеется, у них же в руках ядерное оружие, можно и поиграть с американцами, подразнить, чтобы те слишком не радовались.

Эйзенхауэр распалялся до тех пор, пока не понял, что совещание подошло к концу, а его участники переходят в зал, где подают коктейли. Стряхнув с себя разочарование, Эйзенхауэр пошел в зал для коктейлей. Вот тут-то его и ждал сюрприз. На пути в зал, случайно или намеренно, рядом с ним оказался Никита Хрущев. Встретившись взглядом с Эйзенхауэром, он улыбнулся и сказал:

– Я не согласен с председателем, – имея в виду Булганина, Председателя Совета Министров СССР.

Эйзенхауэр остановился. Хрущев уже давно скрылся за дверью, а он все стоял и смотрел в одну точку. «Я не согласен с председателем», – снова и снова звучало в его ушах. – «Я не согласен с председателем». Что это? Зачем? Улыбки, которая растягивала губы Хрущева, ни в словах, ни в интонации Эйзенхауэр не уловил. Шуткой такая фраза не казалась. Но зачем Хрущев сказал ее? Ответ мог быть только один: Хрущев – тот, кого Эйзенхауэр собирался вычислить в процессе этой встречи.

Истинный лидер Советского Союза теперь он: невзрачный, смешной и не слишком культурный представитель русской нации. Никита Хрущев, первый секретарь компартии, первый человек в стране. От него теперь зависит, примут русские предложение об «открытом небе» или нет.

И Эйзенхауэр принялся обхаживать Хрущева. Он не понимал, почему тот воспринял идею в штыки, почему решил, что американская сторона плетет какой-то шпионский заговор против Советов, но ему никак не удавалось нащупать хоть что-то, что смягчило бы впечатление от его предложения на конкретного человека. Как мог, Эйзенхауэр доказывал, что предложение его искреннее, что оно будет «только началом». Он никак не мог понять, что русские теряют, приняв его предложение. Они ведь знали, что разведывательные полеты над их территорией уже идут, а спустя два-три года, когда появится новая техника слежения, так называемые спутники, Советский Союз уже не закроет своих территорий. Так почему же не согласиться? Почему не повысить свою репутацию, не сделать жест доброй воли, раз ты все равно ничего не теряешь?

Разумеется, никто не знал, каким образом можно будет реализовать проект «Открытое небо». Трудности? Трудности бывают в любом новом начинании. Как обмениваться военными схемами? Как быть с предоставлением площадей для военных баз? Но ведь какие они будут, эти трудности, не знает никто. Такого просто никогда не было, а советский представитель Никита Хрущев убил идею через четыре минуты после ее обнародования, и это уязвляло самолюбие американского президента.

Как бы ни был разочарован Эйзенхауэр отказом обсудить новую идею, он продолжал вести свою линию. 22 июля он выступал с предложением развития торговли между Соединенными Штатами и СССР. В этом же выступлении он внес предложение о «Свободном обмене идеями и людьми», к которому лидеры Советского Союза проявили интерес. По крайней мере, внешне они казались заинтересованными. После фразы, брошенной до этого Хрущевым, Эйзенхауэр уже не доверял своим ощущениям.

23 июля, в завершающий день Женевской встречи, Эйзенхауэр произнес вдохновенную речь о перспективах длительного мира, основанного на справедливости, свободе и благосо-

стоянии народов. Он заявил, что верит в то, что отношения между странами станут лучше, а угроза всеобщей трагедии современной войны исчезнет совсем. «Американскому народу не нужна война, ему нужен мир, стабильность и вера в будущее, – проникновенно произнес он. – Я убежден, что такого же мнения придерживаются и все собравшиеся. Мирный дух Женевы должен способствовать улучшению мирного духа всего мирового сообщества».

Его речь наградили бурными овациями, а Председатель Совета Министров Булганин, прощаясь с Эйзенхауэром, выразил уверенность в том, что дела между их странами будут улучшаться, при этом первый секретарь Хрущев многозначительно улыбнулся и промолчал, оставив в душе президента США неприятный осадок.

Эта улыбка и сейчас стояла перед мысленным взором Эйзенхауэра. Даже слова Джона Даллеса, который не преминул напомнить, что предупреждал о бесплодности попыток Эйзенхауэра договориться с коммунистическими лидерами, не так сильно повлияли на душевное спокойствие президента, как эта слабая улыбка Хрущева.

Теперь, лежа в больничной постели, Эйзенхауэр почти наверняка знал, что болезнь, которая настигла его спустя месяц после встречи в Женеве, была спровоцирована именно этой улыбкой. Да еще, пожалуй, той фразой, которую бросил первый секретарь после выступления Эйзенхауэра 18 июля. Они не давали ему покоя, заставляя снова и снова думать о том, какие планы населяют голову коммунистического лидера, что он намерен предпринять, чтобы доказать свое превосходство. Угроза ядерной войны казалась Эйзенхауэру неизбежной, и он снова и снова задавал себе вопрос: не спровоцировал ли он руководство СССР к решительным действиям и не станет ли он виновником самой глобальной войны за время существования человечества.

«Нужно успеть обезопасить американский народ от ядерной угрозы со стороны Союза. Сейчас, сразу после Женевской встречи, Хрущев не станет предпринимать никаких действий. Раз он вышел в лидеры, значит, он далеко не дурак, поэтому ему придется выждать время, чтобы его поведение не расценили как издевку над теми принципами, которые провозглашались на Женевской встрече, – размышлял Эйзенхауэр. – А это значит, что у меня есть время. Нужно поторопить конструкторов, разрабатывающих модели самолетов-разведчиков. Пусть поторопятся и дадут американскому правительству высотный самолет в кратчайшие сроки. И пусть Хрущев хоть сто лет отклоняет предложение об „открытом небе“, если у нас будет самолет, способный летать на высоте, недостижимой для советских средств ПВО, они будут летать над Союзом и приносить нам информацию о стратегически важных объектах. Чего бы это ни стоило лично мне, Америка снова завоюет лидерство в вопросах военной безопасности».

Глава 2

Пакистан, провинция Хайбер-Пахтунхва, секретная авиабаза ВВС США, 1 мая 1960 года

Ранним утром «Локхид У-2» с заводским номером 360 без опознавательных знаков стоял на взлетной полосе, ожидая приказа к вылету. На борту самолета находился только пилот. Он входил в «Отряд 10–10», специально созданный для совершения сверхсекретных разведывательных полетов над территорией СССР. Пилотов в отряд отбирали сотрудники ЦРУ: попасть в спецгруппу считалось большой удачей.

Официально «Отряд 10–10» значился Второй временной авиаэскадрильей метеоразведки и входил в подчинение NASA. Безобидные полеты для нужд метеослужбы на самом деле не были так уж безобидны. С 1956 года самолеты этого отряда выполняли регулярные разведывательные полеты над территорией СССР, используя площадки в Турции, Иране и Афганистане. Главной целью полетов был сбор сведений о расположенных на территории СССР радиолокационных станциях и позициях противовоздушной обороны.

Президент США Дуайт Эйзенхауэр опасался, что раскрытие разведывательных полетов приведет к ухудшению отношений с Советским Союзом, так как полеты могут быть восприняты как акт агрессии. Вооруженного конфликта он не хотел и все же дал добро на первый полет.

4 июля 1956 года самолет «У-2» стартовал с американской авиабазы в германском городе Висбадене. Пролетев над Москвой, Ленинградом и Балтийским побережьем, он благополучно вернулся обратно. Самолет не обнаружили, системы ПВО не открыли огня, а мощная фототехника позволила получить отличные снимки.

Первый полет принес настолько богатые плоды, что перекрыл все минусы нелегальных полетов. Глубокое вторжение в воздушное пространство СССР на высоте двадцати – двадцати одного километра продолжительностью от двух до четырех часов позволяло собрать огромный объем разведывательной информации, начиная от аэродромов базирования истребителей-перехватчиков, позиций зенитной артиллерии и радиолокационных станций, заканчивая элементами советской системы ПВО.

Что значит международный скандал по сравнению со снимками баз Военно-морского флота и важнейших оборонных объектов СССР? Да почти ничего! Подумав, президент Эйзенхауэр дал добро на регулярные полеты. Его уверенность в правильности решения подпитывали несколько факторов. Первое: самолеты «У-2» совершали полеты на высотах, недостижимых для советских истребителей. Второе: советские ракеты не могли достать «У-2» из-за большой высоты. И третье: он, как президент, не имеет права отказаться от возможности получить разведывательные данные такого качества.

Так несанкционированные полеты получили одобрение президента и были поставлены на поток.

Для Гэри Пауэрса, пилота борта 360, данный полет был двадцать восьмым на самолетах типа «У-2» и далеко не первым в рамках операции Grand Slam. В свои тридцать лет Пауэрс имел за плечами большой летный опыт, включая участие в корейской войне. По большому счету для него эта операция носила будничность характер. Быть может, кто-то из пилотов «Отряда 10–10» действительно считал разведывательные полеты не более чем скучной рутинной, только не Пауэрс.

По его мнению, для пилота подобные разведывательные полеты несли и физическую, и психологическую нагрузку. «У-2» нельзя было назвать легким в управлении, хотя бы из-за сложности управления при полете на малых скоростях. Такой полет требовал специального режима взлета и набора высоты. Посадку пилот мог осуществить лишь с помощью коллег, передающих данные о расстоянии до полосы и ориентирующих летчика из следовавшего за самолетом автомобиля. Это сильно выматывало и умственно, и физически.

Сами полеты тоже спокойными назвать было трудно. Самолет, по легенде, собирающий информацию для метеосводок, был буквально напичкан новейшими устройствами для получения разведанных. Основным прибором являлась уникальная фотокамера, способная снять с высоты полета полосу шириной сто пятьдесят километров и длиной в три тысячи километров. На записях можно было различить объекты размером меньше метра. Каждый пилот знал: если случится непредвиденное, доказать добрые намерения с таким арсеналом на борту уже не удастся.

Объекты, которые приходилось фотографировать, тоже несли в себе немалую опасность. Не далее чем за три недели до полета Пауэрса его друг и коллега пилот Боб Эриксон совершал полет над территорией СССР и, когда проходил над Семипалатинским полигоном, в прицельном устройстве ясно увидел ядерную бомбу, установленную на башне и готовую к подрыву! Рассказывая об этом, Боб поделился своими ощущениями: вся жизнь промелькнула перед глазами, когда он представил, что могло бы произойти, если бы дата испытания бомбы совпала с датой его полета. И это был далеко не единственный случай, когда полет реально мог закончиться для пилота трагедией.

В этот раз ощущение чего-то плохого неотступно преследовало Гэри Пауэрса. Начать с того, что полет был назначен вовсе не на 1 мая. В Пешевар Гэри Пауэрса и Боба Эриксона доставили 28 апреля, за день до назначенного полета. На базу они прибыли вместе с наземной группой техников. Гэри – в качестве основного пилота, Боб – как запасной. За день до этого с турецкой авиабазы Инджирлик прибыл «Локхид У-2С» с заводским номером 358. На нем и предстояло лететь Пауэрсу.

29 апреля пришел приказ: вылет отложить на один день, «Локхид 358» перегнать обратно в Инджирлик, планируемый полет совершить на «Локхиде» под номером 360. Бобу Эриксону было поручено лететь на турецкую базу, а Пауэрсу – готовиться к приему другого самолета. Манипуляции с самолетами вызывали у Пауэрса тревогу, но он заставил себя отбросить дурные мысли. Когда же и 30 апреля полет пришлось отложить, на этот раз из-за погодных условий над территорией СССР, Гэри всерьез задумался, не лучше ли остаться на земле и не лететь в этот раз. Устроить так, чтобы полет совершил Боб, а он может сказать больным, тем более что сердце и правда пошаливает. Но нет, такие выходки в «Отряде 10–10» не проходят, он знал об этом точно. Да и Боб ему друг, подставить его, отправив в полет, который сам считаешь опасным, было бы совсем некрасиво.

И вот теперь он сидел в кабине самолета и мечтал только о том, чтобы полет отменили. Почему? Неужели из-за неприятных ощущений? Предчувствие надвигающейся беды не прошло, а даже усилилось. Небо было ясным, день обещал быть солнечным, а на душе лежала тревога.

Лететь предстояло через Афганистан. Над советской территорией маршрут обширный: Сталинабад – Аральское море – Челябинск – Свердловск – Киров – Архангельск – Северодвинск – Кандалакша – Мурманск. Далее на авиабазу Будё в Норвегии и – конец испытанию.

«Быть может, всему виной сложный маршрут? – думал Пауэрс, выруливая на взлетную полосу. – Сейчас поднимешься в небо, наберешь высоту, и беспокойство отступит. Главное – держаться заданной высоты, и тогда беспокоиться не о чем».

Отчасти так и случилось. Пауэрс набрал высоту в восемнадцать тысяч километров, самолет развил скорость около семисот пятидесяти километров в час, и вскоре Афганистан остался позади.

Границу воздушного пространства Советского Союза Пауэрс пересек юго-восточнее Кировабада, пролетел над полигоном Тюратам, где ему удалось сделать снимки межконтинентальной баллистической ракеты, совершил пролет над Челябинском и Магнитогорском. Небо казалось тихим и доброжелательным, настроение понемногу улучшилось. «Напрасно паниковал, ничего нового или неожиданного полет не принесет. А предчувствия лучше оставить мнительным дамам или гадалкам».

Следующим пунктом полета шел город Челябинск-40, где у русских находился завод, по данным разведки, занимающийся изготовлением оружейного плутония, так необходимого для производства ядерного оружия.

Подлетая к цели, Гэри Пауэрс улыбался. Его мысли унеслись в далекую Америку, где осталась его жена Барбара. Пять лет брака, наполненных эмоциями. Красавица Барбара дарила ему ощущение полноты жизни. Она умела поднять ему настроение, заставить отстраниться от забот военной службы. Она умела создать праздник и, как она сама говорила, позволяла любить себя. Брак их не был безоблачным. Ее огорчали долгие отлучки мужа, его слишком сильное пристрастие к алкоголю.

И все же в браке Гэри чувствовал себя счастливым. Приятно было осознавать, что после долгой и опасной командировки тебя ждет теплый прием. Улыбаясь, как умела улыбаться только она, Барбара бросится ему на шею, не обращая внимания на людей, будет осыпать его лицо короткими влажными поцелуями, от которых по коже побегут мурашки. Затем подхватит его под руку и начнет болтать всякие глупости, не умолкая до самого дома. Там его непременно ждет горячий ужин, приготовленный специально по случаю его приезда. А вечером, лежа в постели, она станет нашепывать ему на ухо совершенно неприличные слова, но в ее устах они будут звучать как музыка.

Самолет подлетал к Свердловску, когда приятные мысли прервала вспышка света. У-2 дернулся, Гэри посмотрел вверх и увидел, как все вокруг начало заливать оранжевым светом. Он не сразу сообразил, что подвергся обстрелу, понял лишь, что ручка управления перестала действовать, самолет начал быстро терять высоту. Оранжевое облако, возможно, отражение взрыва в фонаре кабины самолета, разрасталось. «Боже, все кончено, – пронеслось в голове Пауэрса. – Все кончено. Но как это возможно? У русских нет ракетных комплексов с такой дальностью выстрела. Получается, я ушел ниже, чем следовало».

Возможно, это было действительно так. Мечтать за штурвалом Гэри не привык, так что мог и не заметить этого. Но что делать теперь? «Соберись, Гэри, иначе тебе действительно конец. – Пауэрс заставил себя встряхнуться. – Ты должен вернуться домой. Ты нужен своим родителям. Ты нужен Барбаре». Он с силой ударил себя ладонью по лицу. Один раз, второй. Боль отрезвила, заставила работать мозг – отыскивать путь к спасению.

Мысли опережали одна другую. Взрывом у самолета оторвало крыло, он начал входить в неуправляемый штопор. «Катапульта! Нужно катапультироваться, этому тебя учили в школе пилотов. Итак, что нужно сделать? Для начала принять определенную позу...»

Он попытался произвести необходимые манипуляции и понял, что ему это не удастся. В тесной кабине У-2 выполнить маневр и при обычных обстоятельствах не так-то просто, а в деформированной кабине – тем более. Пауэрс понял, что, если он попытается катапультироваться, ему оторвет ноги.

И тут он вспомнил, что есть еще один способ покинуть самолет. Нужно выбраться из кабины на фюзеляж. Он едва успел вытянуть ноги из-под панели приборов, как раздался новый взрыв, за ним еще и еще, и еще. «Боже, да они в решето меня превратят!» – паника снова охватила Пауэрса. Он увидел, как взрывается фонарь кабины, отстреленный снарядом, почув-

ствовал, как воздушный поток, ворвавшись в кабину, тащит его наружу. Ноги застряли, удерживая Пауэрса на весу.

«Все, теперь точно конец! Нужно нажать кнопку. Нельзя допустить, чтобы то, что осталось от самолета, досталось русским». Кнопка, которую собирался нажать пилот, приводила в действие взрывное устройство, которое в критической ситуации должно было уничтожить самолет вместе с пилотом. Пауэрс попытался дотянуться до кнопки, но воздушный поток, вырывавший его из кабины, не давал возможности приблизиться к панели управления.

«Что делать? – Пауэрса начало лихорадить. – Надо за что-то ухватиться, попытаться снова попасть в кабину». Сам он давно балансировал на границе между фюзеляжем и кабиной, удерживаемый лишь трубкой кислородного прибора. Он решил попытаться воспользоваться этой трубкой. Он ухватился за нее двумя руками и начал медленно подтягивать тело. Он успел сократить расстояние вдвое, когда мощный воздушный поток снова отбросил его назад. Трубка не выдержала и оторвалась. Пауэрса выбросило из самолета, сработал парашют, после чего летчик потерял сознание.

Он пришел в себя от толчка сработавшего парашюта. Самолет остался где-то внизу, он же плавно парил в воздухе, постепенно снижаясь. «Карты. Нужно уничтожить карты», – это была первая мысль, которая пришла в голову. Извлечь из нагрудного кармана сверток с картами и не дать ему улететь оказалось не так-то просто, но он справился. На то, чтобы разорвать карты на мелкие клочки и развеять по ветру, сил ушло немало. Сказывался недостаток кислорода и нервное напряжение. Покончив с картами, Пауэрс снова сунул руку в карман. Нашупал серебряный доллар, сжал его в руке.

– Время пришло? – Пауэрс не заметил, что заговорил вслух. – Думаешь, время пришло?

Он поднял руку к лицу, серебряный доллар сверкнул и потух. Пауэрс смотрел на него с сожалением. Нет, доллар не был его счастливым талисманом, не был подарком любимой – он был пустотелой оболочкой, футляром для булавки с дозой смертельного яда. Такие доллары выдавали всем пилотам «Отряда 10–10». Инструкция гласила: «В случае, если пилот секретной разведки попадет в плен и у него возникнут сомнения в том, что он сможет выдержать пытки и допросы, тогда он может воспользоваться булавкой, чтобы избавить себя от мучений».

– Но ведь тебя еще не взяли. Ты не в плену, тебя не пытаются, так стоит ли торопиться? – Пауэрс пытался разобраться в противоречивых чувствах. – Убивать себя ты по инструкции не обязан. Ты не самурай, не камикадзе. Ты просто пилот, выполняющий долг перед своей страной. Так стоит ли использовать яд?

Перед глазами снова встало лицо Барбары. Печаль в ее глазах настолько неподдельная! О чем она грустит? Чему печалится? Не его ли смерти?

Пауэрс открыл монету, извлек булавку. Какое-то время держал ее в руках, затем спрятал в карман. «Еще не время, – решил он. – Возможно, это еще не конец».

Снижаясь на парашюте, Пауэрс начал осматриваться. Под ним открывалось поле, с северной стороны виднелся населенный пункт. Оттуда на полном ходу к полю летел автомобиль. Пауэрс понял, что люди, сидящие в машине, торопятся не просто так. Они едут за ним, по его душу. Еще он понял, что, как бы быстро ни снижался парашют, люди в автомобиле все равно его догонят. На память пришли рассказы друзей-пилотов о коммунистических тюрьмах. Быть плененным советскими властями казалось Пауэрсу ужасным, а тюрьмы СССР должны были быть совершеннейшим адом. И все же принять яд он не решился. «Не сейчас, – в очередной раз повторил он. – Еще не время».

После приземления он успел отстегнуть стропы, а дальше им завладели те, кто охотился за ним на автомобиле. С этого момента его свобода закончилась.

Он не сопротивлялся, когда люди в странной одежде скручивали ему руки бельевыми веревками, когда запихивали его в пропахший навозом автомобиль. Русскую речь он знал плохо, поэтому не мог понять, о чем говорили между собой люди, пленившие его. Пауэрса

немного озадачило то, что к нему совсем не обращались. Не задавали вопросов, не требовали объяснений, словно то, как и почему он здесь появился, не имело особого значения. Он не знал, какие события предшествовали его падению и какой переполох он устроил в отдельно взятой советской деревне. Слово «шпион», которое люди, пленившие его, произносили в каждой фразе – это все, что он смог понять.

Те, кто задержал «шпиона», и сами толком не знали, кого и зачем они связали веревками и везут в местный сельсовет. Когда на окраину деревни Поварня посыпались обломки сбитого самолета, взволнованные жители побежали с докладом к местным властям. Председатель Косулинского сельского совета как раз приехал с инспекционным визитом к агрономам Поварни и, можно сказать, оказался в нужное время в нужном месте. Не успели местные жители деревни Поварня выложить свои новости, как из Косулино поступил звонок: над пшеничным полем спускается парашютист! Связав два события воедино, председатель Косулинского сельского совета быстро сориентировался. Отправив на место возможного приземления парашютиста парней покрепче с твердым указанием во что бы то ни стало задержать нарушителя, он связался со свердловским Комитетом госбезопасности и доложил обстановку.

Как и положено людям из КГБ, звонок косулинского председателя их не удивил. Председателю было велено поместить парашютиста под арест, выставив охрану вплоть до приезда людей из госбезопасности, которые, как выяснилось, уже выехали в направлении Косулино. Председатель удивился оперативности комитетчиков, но вслух своего удивления не высказал.

На самом деле удивляться тут было нечему. В Комитете госбезопасности про вторжение «Локхиды У-2» знали практически с того момента, как самолет пересек воздушную границу СССР. Его засекли радары ПВО, находящиеся в состоянии повышенной боевой готовности. На то имелись веские причины.

9 апреля над советской территорией был замечен самолет-разведчик. Он летел над Семипалатинским ядерным полигоном, где в то время готовились очередные испытания. Самолет так вольготно чувствовал себя над территорией СССР, так свободно перемещался от одного стратегически важного объекта к другому, что создавалось впечатление, что вторгаться в советское пространство – его законное право. По тревоге были подняты силы ПВО и произведены попытки перехвата самолета-нарушителя. Но ничего путного из этой затеи не вышло.

Когда об этом стало известно первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву, он созвал срочное совещание, на котором присутствовали главнокомандующий войсками ПВО, главнокомандующий Военно-воздушными силами, начальник Первого главного управления внешней разведки и целый ряд военных начальников рангом поменьше. Никита Сергеевич рвал и метал и даже не думал о том, чтобы подбирать выражения.

И было отчего впасть в ярость. После Женевского совещания глав четырех государств и отказа СССР открыть воздушные границы для свободных полетов президент США Дуайт Эйзенхауэр бросил все силы на то, чтобы создать самолет, способный летать на недостижимой для советских средств ПВО высоте. К 1956 году он добился своего и тут же приступил к осуществлению своей мечты – начал незаконно осваивать советское воздушное пространство.

После первого полета самолета-разведчика над территорией СССР, факт вторжения которого был зафиксирован советскими средствами ПВО, правительство Советского Союза в официальном обращении охарактеризовало действия американской стороны как «преднамеренное действие, рассчитанное на обострение отношений между СССР и США». Советская сторона потребовала прекратить разведывательные полеты, и на какое-то время это помогло.

Но в январе 1957 года полеты возобновились. Только теперь самолеты стали вторгаться все глубже и глубже на территорию СССР. ЦРУ так сильно интересовали стратегические объекты Советского Союза, а полеты приносили беспрецедентно обильные результаты, что остановиться американское правительство было уже не в силах.

За три года самолеты-разведчики сумели сфотографировать полигоны Капустин Яр, Сары-Шаган, авиабазы стратегических бомбардировщиков, полигоны зенитных ракетных войск и многое другое. Советское правительство издало указ начать разработку ракетно-зенитных комплексов, которые сумеют достать ненавистные У-2, и к концу 1957 года получило зенитно-ракетный комплекс «С-75». Заявленная конструкторами высота поражения равнялась двадцати пяти – тридцати километрам, способом подрыва являлась радиокоманда с поста управления. И все же применить установку к американским самолетам-разведчикам никак не удавалось.

К 1959 году ЗРК С-75 модифицировали, теперь управлять комплексом можно было с помощью неконтактного взрывателя. Испытать в деле модифицированный комплекс удалось к концу 1959 года, когда китайский самолет-разведчик попытался нарушить воздушную границу СССР. Он был сбит на высоте двадцать тысяч шестьсот метров, и это был первый в мире высотный самолет, сбитый средствами ПВО. В целях секретности было объявлено, что он сбит самолетом-перехватчиком.

Это было в октябре. А в ноябре этого же года над Сталинградом был уничтожен американский разведывательный аэростат. Высота полета равнялась двадцати восьми километрам, и это тоже была работа ЗРК С-75. Положительные результаты вдохновляли, в правительстве считали, что при должной наладке совместной работы всех систем свободным полетам американских У-2 над территорией СССР скоро придет конец.

Наступил апрель 1960 года. Самолет-разведчик снова летал над Семипалатинском, и его никак не удавалось сбить. Почему? Для решения этого вопроса первый секретарь Никита Хрущев и собрал командующих и главнокомандующих воздушными, сухопутными и разведывательными структурами.

Все задействованные в операции ведомства сначала пытались свалить вину за провал операции по уничтожению нарушителя друг на друга. Главнокомандующий войсками ПВО заявлял, что самолеты-перехватчики заполнили воздушное пространство так, что зенитно-ракетными установками попросту невозможно было воспользоваться, не рискуя подбить свои же самолеты. Главнокомандующий Военно-воздушными силами оправдывался тем, что с Семипалатинского ядерного полигона была получена информация о том, что американский самолет-разведчик летит на очень низкой высоте и самолетам-перехватчикам следует потопириться, если они хотят разобраться с нарушителем. Начальство Семипалатинского полигона обвиняло командование войск ПВО, что они, по неопытности, не учли близости ядерной бомбы, установленной на испытательном полигоне, и их действия чуть не привели к катастрофе. И все без исключения обвиняли Первое главное управление в том, что у них отсутствует информация о планах американских ВВС относительно вторжения на советскую территорию.

Затем так же дружно начали жаловаться на то, что ведомства просто не готовы к выполнению подобного рода операций, им требуется разработать четкие инструкции, и дело сразу пойдет на лад. Резюме Хрущева удовлетворило, он дал добро на составление инструкций и планов совместных действий. На том и разошлись.

В течение двух недель инструкции разработали, межведомственные тренировки по координации действий провели и привели войска в состояние повышенной боевой готовности. Оставалось только дожидаться подходящего момента и испытать новую систему взаимодействия на деле.

Долго ждать не пришлось. 1 мая самолет-разведчик пересек границу воздушного пространства со стороны Таджикской республики. Обнаружен «У-2» был практически сразу, но перехватить его самолетами-перехватчиками не удалось, так как летел он слишком высоко, однако, памятуя гнев первого секретаря, прекращать попытки перехвата никто не собирался.

Несколько часов за самолетом Пауэрса охотились советские самолеты. Затем командование задействовало высотные перехватчики, которые оказались ближе всех к маршруту нарушителя. Пришлось доложить Хрущеву об отрицательных результатах. Он тут же вскипел и потребовал убрать самолет американцев любой ценой. Командиры ВВС понимали, что в случае провала операции полетят их головы. Они приняли решение поднять в небо два высотных перехватчика и отдать приказ таранить самолет-шпион в случае его неповиновения приказу идти на посадку.

Пилотам «Су-9» повезло: на таран идти не пришлось, так как в районе города Челябинска-40 «Локхид» вдруг начал терять высоту. Самолеты-перехватчики решили, что американец собирается произвести аэрофотосъемку с более низкой высоты, ведь под ним как на ладони открывался военный завод по производству компонентов для изготовления ядерного оружия. Такую возможность упускать было никак нельзя. И пилоты перехватчиков сработали четко. Они отошли с линии огня и передали информацию в войска ПВО.

Пятьдесят седьмая зенитно-ракетная бригада тут же получила приказ открыть огонь. По самолету-шпиону было выпущено семь ракет, хотя цели достигла уже первая. Самолет развалился, на экранах локаторов многочисленные обломки выглядели как специально организованные помехи, поэтому соседний дивизион дал свой залп. Спустя полчаса к месту падения самолета уже мчал черный автомобиль с начальником Первого главного управления КГБ СССР, а местные жители везли связанного американского пилота в ближайший населенный пункт.

Первая встреча начальника Первого главного управления с американским пилотом прошла на удивление спокойно. Генерал-майор Сахаровский вошел в здание сельсовета, куда десятью минутами раньше был доставлен Пауэрс, в девять сорок семь по московскому времени. Председатель Косулинского сельсовета не знал генерала в лицо, но военная выправка и манера держаться не оставляли сомнений, что перед ним сотрудник госбезопасности, причем не из низших чинов.

Сахаровский коротко кивнул председателю:

– Генерал-майор Сахаровский ПГУ КГБ, – коротко представился он. – Где подопечный?

– В моем кабинете. – Председатель вытянулся в струнку. Шутка ли, сам начальник Главного управления пожаловал! – С ним два милиционера, у двери поставили охрану из добровольцев. Также охрана по периметру здания.

– Воевал? – догадался Сахаровский.

– Западный фронт, четвертая танковая дивизия, товарищ генерал-майор, – отчеканил председатель.

– За Москву стоял?

– Так точно.

– Жарко там было, – прокомментировал Сахаровский. – Ведите к задержанному.

Председатель указал рукой на лестницу, ведущую на второй этаж. Сахаровский прошел первым. В коридоре второго этажа возле ближайшей к лестнице двери дежурили двое. Сахаровский молча отстранил охрану и вошел в кабинет. На стуле у стены сидел молодой парень в летном костюме. Лицо его выражало крайнюю степень растерянности.

– Погуляйте, ребята, – велел Сахаровский милиционерам, вскочившим при его появлении.

Милиционеры покосились на председателя, тот кивнул, и они вышли. В кабинете остались только задержанный шпион и генерал-майор.

– На русском говоришь? – спросил Сахаровский, не особо надеясь на положительный ответ.

– Ай донт андестенд. – Голос у шпиона оказался приятный, только немного дрожал.

– Имя? Как твое имя? – произнес Сахаровский и повторил вопрос на английском, которым владел довольно сносно.

– Нейм? Май нейм из Гэри Пауэрс, ай м фром Америка.

– Это я и без тебя знаю, – почти добродушно произнес Сахаровский. – Скажи лучше – сотрудничать согласен? На вопросы будешь отвечать?

– Йес, – проговорил Гэри Пауэрс и для убедительности повторил: – Йес, йес.

Сахаровский удовлетворенно кивнул и открыл дверь. Милиционеры и добровольные охранники стояли у противоположной стены, выстроившись в шеренгу. Председатель Косуллинского сельсовета успел сообщить, какую важную птицу занесло к ним в сельсовет, поэтому особого желания высываться ни у одного не возникало. От Комитета госбезопасности лучше держаться подальше – таково было общее мнение.

– Проводите задержанного до машины, – распорядился Сахаровский. – От имени Комитета государственной безопасности благодарю за содействие в поимке государственного преступника.

Собравшиеся скомканно, кто как, ответили на слова благодарности генерал-майора и поспешили убраться с глаз всевидящего ока госбезопасности. Гэри Пауэрса поместили в автомобиль Сахаровского, на этом для Косулина инцидент закончился.

Пауэрса доставили на Лубянку и без особых переходов приступили к допросу. Сотрудники госбезопасности никак не ожидали, что с такой легкостью получают необходимые сведения от американского шпиона. Но Пауэрс с самого начала выказал активное сотрудничество. Он выложил все: кто он, с какой целью оказался в воздушном пространстве чужой страны, от имени какой организации действует. Пауэрс выглядел простачком, растерянным пилотом, который не до конца понимает значение происходящего. Он так и говорил комитетчикам, ведущим допрос: «Я простой пилот, военный, выполняющий приказ командира».

– Вы управляли самолетом-разведчиком?

– Да, мой самолет был оснащен аппаратурой для аэрофотосъемки.

– С какого аэродрома вы совершили взлет?

– Американская военная авиабаза, расположенная в Пешеваре, Пакистан.

– Как давно американские ВВС используют эту базу для совершения шпионских полетов?

– Примерно три года. Насколько мне известно, два года сотрудничество велось по устной договоренности между премьер-министром Пакистана Хусейном Сухраварди и президентом Эйзенхауэром, а год назад было подписано официальное соглашение.

– Каким образом использовалась эта база?

– Агентство национальной безопасности использовало базу в Бадабере, это в десяти километрах от Пешевара, для радиоэлектронной разведки. Аэропорт в Пешеваре использовался для совершения полетов самолетов типа «У-2» над Советским Союзом.

– Сколько полетов было совершено американской службой разведки?

– Точной цифры не знаю. Больше двадцати.

– Вы не первый раз нарушили воздушную границу СССР?

– Нет.

– И каждый раз с разведывательной целью?

– Да.

– Вы сказали, что производили фотосъемку. Какие объекты вы снимали?

– Военные базы, ядерные полигоны, аэродромы и другие объекты стратегического назначения.

– С какой целью велись съемки?

– Нам говорили, что это делается для обеспечения безопасности Америки и американского народа. Чем больше правительство и военные ведомства знают о военном потенциале противника, тем легче ему противостоять в случае нападения.

– Так значит, США считает Советский Союз противником?

– Я не знаю. Ответ на этот вопрос очень сложен. Я не сделал ничего плохого или предосудительного. Я просто вел съемку, защищая интересы своей страны. На моем самолете не было оружия, даже на тот случай, если бы советская сторона проявила в отношении моего самолета агрессию, отвечать на эту агрессию не входило в мои обязанности и в планы американского правительства тоже.

Благодаря безоговорочному сотрудничеству Пауэрса допрос длился относительно недолго. Без четверти три генерал-майор Сахаровский явился с докладом к товарищу Хрущеву. По желанию первого секретаря с ним приехал следователь Михайлов, который вел допрос Гэри Пауэрса. Хрущева интересовало мнение Михайлова о задержанном шпионе.

– Пауэрс кажется простоватым, не слишком эрудированным, но технически весьма грамотным, – начал доклад следователь. – Он отвечает на вопросы с более чем исчерпывающей откровенностью.

– Это не вызывает у вас беспокойства? – задал вопрос Хрущев. – Не думаете, что он намеренно выдает вам неверную информацию?

– Нет, товарищ первый секретарь, я так не думаю, – убежденно повторил Михайлов. – Те сведения, которые он предоставляет нам, не являются сугубо секретной информацией, они просто подтверждают уже известные факты. К тому же он не отрицает главного: что он является американским подданным и что его самолет сбит над территорией СССР во время проведения разведывательного полета.

– Что думаете об этом вы? – Хрущев обратился к Сахаровскому. – Возможно ли использование Пауэрса в качестве секретного агента на территории США?

– Почву я прошупал, – без паузы начал Сахаровский. Этого вопроса он от Хрущева ждал, поэтому был готов на него ответить. – Скорее всего, пилот даст согласие работать на наши разведывательные службы, и даст его охотно и быстро. Но не думаю, что в качестве шпиона он принесет нам какую-то пользу.

– Почему?

– Потому что для работы агентом его нужно будет вернуть в Америку. А как только он попадет туда, то моментально забудет про все обязательства. Первым его шагом по возвращении на родину будет поход в Центральное разведывательное управление, и не потому, что он является сотрудником этого ведомства. Он сдаст наши планы с потрохами и будет снова перевербован или станет двойным агентом, что более вероятно.

– И что, у нас нет на него рычагов воздействия? – ответ Сахаровского удивил Хрущева.

– У Пауэрса слишком гибкая совесть и размытые понятия о чести и доблести.

– Поясни, – потребовал Хрущев.

– В истории о том, как Пауэрсу удалось остаться живым, есть определенные нестыковки. Например, он сказал, что его тело до пояса было зажато деформированным фюзеляжем, поэтому он не мог воспользоваться катапультирующимся креслом. В случае, если бы он воспользовался катапультирующей, ему непременно оторвало бы ноги. Затем он сказал, что после того, как лопнул и развалился на части фонарь, закрывающий кабину пилота, его вытянуло из кабины мощным воздушным потоком. И при этом ноги его на месте. Как такое возможно? Далее. Он говорит, что какое-то время был в прямом смысле привязан к падающей вниз кабине, так как кислородный шланг застопорило и он удерживал его на весу. И тут же он говорит, что по инструкции перед катапультированием ему было положено активировать взрывное устройство, которое уничтожало самолет вместе со всем содержимым. На вопрос «почему он этого не сделал?» Пауэрс ответил, что никак не мог дотянуться до кнопки, активирующей взрывное устройство. Но почему он не воспользовался кислородным шлангом как тросом, чтобы подтянуть тело к кабине? Ведь трос удерживал его около кабины достаточно долго. Он этого не сделал.

– И что из всего этого следует? – Хрущев снова потребовал пояснений.

– Специалисты технического отдела КГБ уже изучили обломки самолета, – сообщил Сахаровский. – По их утверждению, в самолете действительно имелся заряд взрывчатки, достаточный для того, чтобы полностью уничтожить все улики. Хитрость в том, что не только кнопка с панели управления могла привести в действие взрывное устройство. Это должно было произойти автоматически после того, как сработает система катапультирования. Иными словами, Пауэрс должно было разорвать на части в момент катапультирования. Он об этом знал, потому и не воспользовался катапультирующей. Боясь, что взрывное устройство может сработать без его вмешательства или по обломкам самолета снова дадут залп из ракетных установок, Пауэрс поспешил избавиться от неприятного соседства. Просчитав риски, он решил оторваться от самолета на максимально возможной высоте в десять километров и попытаться достичь земли с помощью парашюта. Вот почему он на какое-то время потерял сознание – ему элементарно не хватило воздуха.

– Значит, твой вывод – Пауэрс для шпионажа непригоден, – подвел итог Хрущев.

– Так точно, товарищ первый секретарь, – подтвердил Сахаровский. – Никакой секретной информации мы от него не дождемся, только время и силы потеряем. При случае он сдаст нас так же, как сейчас сдает своих американских хозяев. Есть еще один нюанс.

– Говори.

– В кармане летного костюма Пауэрса обнаружена булавка с быстродействующим ядом. Мы задали вопрос: для чего нужна булавка? Пауэрс сначала ответил, что это просто сувенир, а затем, под нажимом, заявил следующее: булавку с ядом предоставляли всем пилотам на случай, если кто-то из них попадет в плен. Он особо подчеркнул, что совершать самоубийство ни от кого из пилотов не требовалось. Булавка – своеобразная страховка на случай, если пленник не сможет больше выносить пыток, которые его непременно ждут в коммунистических тюрьмах.

– Считаете, он должен был покончить с собой? – задал вопрос Хрущев.

– Трудно ответить. – Сахаровский покачал головой. – Но про пытки в тюрьмах он говорил вполне осознанно. Думаю, легенды о них бытуют в умах американского народа, вот почему он так быстро пошел на контакт. Таким образом он надеется избежать физической расправы.

– Надеюсь, у вас хватило ума заверить его в обратном?

– Разумеется, Никита Сергеевич. Допрос проходил в атмосфере добра и доверия, – слегка сыронизировал Сахаровский.

– Хорошо, держите меня в курсе. Обо всех изменениях в поведении, настроении и показаниях Пауэрса докладывать незамедлительно.

Сахаровский и Михайлов ушли, а первый секретарь занялся подготовкой ноты протеста американскому правительству. В ответном обращении Госдепартамента США, опубликованном 3 мая, официальная версия случившегося выглядела следующим образом: 1 мая самолет У-2 производил исследование погоды, в верхних слоях атмосферы он должен был брать пробы воздуха. Исследования производились в воздушном пространстве над советско-турецкой границей. В процессе полета у пилота вышел из строя кислородный шланг, и в результате этой неисправности пилот потерял сознание. Самолет сбился с курса и залетел на территорию СССР, практически находясь без управления.

История, притянутая за уши, могла бы сработать, если бы Гэри Пауэрс не выжил. Но уже 7 мая президента Эйзенхауэра ждал сюрприз. Никита Хрущев объявил всему миру, что американский пилот самолета-разведчика Гэри Пауэрс жив, взят в плен и уже дал признательные показания. Подтвердить его слова не составило труда. Фотоснимки самолета, пилота Гэри Пауэрса и обломков радиоаппаратуры оказалось более чем достаточно, чтобы Дуайт Эйзенхауэр признал факт вторжения американского самолета на территорию СССР. Отрицать разведывательную миссию пилота в данных обстоятельствах было глупо, а «досадный инцидент», как называли событие с Пауэрсом в американской прессе, и без того прибавил Эйзенхауэру проблем.

Такой скандал, да еще когда! На 16 мая в Париже была назначена встреча глав четырех государств. Франция, Великобритания, США и СССР должны были собраться для обсуждения германского вопроса. После Женевской встречи в 1955 году это должна была быть первая встреча на высоком уровне. Помимо статуса разделенной Германии Эйзенхауэр планировал обсудить с Хрущевым вопросы мирного сосуществования, вопросы контроля вооружения и ограничения ядерных испытаний. Все это должно было привести к ослаблению напряженности между ядерными державами. А что теперь?

Пресс-конференция 11 мая Эйзенхауэру далась с большим трудом. Обвинителем выступал лично Генеральный прокурор СССР, действительный государственный советник юстиции. Эйзенхауэру пришлось признать обвинения в том, что Штаты с ведома президента совершают шпионские полеты над территорией СССР. Советская сторона требовала не просто признания, она хотела услышать публичные извинения из уст президента Эйзенхауэра. Он же не мог заставить себя выполнить их пожелание.

Повестка Парижской встречи провалилась. Она прошла всего за один день, скомканно и напряженно. Когда обсуждение общих вопросов закончилось, Никита Хрущев выступил с заявлением касательно воздушного инцидента. Хрущев обвинил Соединенные Штаты в целом и Дуайта Эйзенхауэра в частности в вероломстве, обмане и лицемерии. Он вновь потребовал от Эйзенхауэра искренних публичных извинений и заверения в том, что впредь советское небо останется свободным от вторжения американских самолетов.

Эйзенхауэр не мог оставить без ответа заявление Хрущева, поэтому после его выступления тоже взял слово. Он больше не отрицал, что шпионские полеты имели место. Он произнес короткую, весьма невразумительную речь, заявив, что советская сторона будет избавлена от повторения неприятного инцидента. Еще Эйзенхауэр выразил сожаление о случившемся, но извинения так и не принес.

Его позицию первый секретарь расценил как личное оскорбление. Он, глава Советского правительства, после скандала мирового масштаба предлагает путь к примирению, а его жест доброй воли игнорируют! При таком положении вещей ни о каком обмене взаимными визитами между главами СССР и США, запланированными на май, не могло быть и речи. Первым приглашение американскому президенту посетить Советский Союз отменил Никита Хрущев. За ним последовал отказ Дуайта Эйзенхауэра. Он больше не желал видеть на американской земле генерального секретаря в качестве визитера доброй воли. Так в середине мая 1960 года накал отношений двух ядерных держав дошел до критической отметки. 16 мая 1960 года американские вооруженные силы были приведены в боевую готовность. Противостояние сверхдержав ушло на очередной виток «холодной войны».

Глава 3

– Погода этой весной непонятная: то дождь, то снег, то ветер шквалистый. Больше на осень похоже. У родственника по материнской линии раковую опухоль обнаружили. Последняя стадия, оперировать поздно. Два дня назад соседи залили. В квартире ни одной сухой вещи не осталось. Обои со стен, как луковая шелуха, слетели, штукатурку вспучило, а на ремонт времени нет. Ощущение – будто все против тебя, даже природа. И так изо дня в день, изо дня в день... А тут раз – и наладилась погода. Солнышко проснулось, тучи разбежались. Вот я и решил тебя сюда вызвать, чтобы хорошим деньком насладиться, а заодно и рабочие моменты обсудить.

Генерал-майор Шабаров, начальник Управления нелегальной разведки, сидел на скамейке московского парка и вел беседу со своим заместителем, подполковником Старцевым. В должность Шабаров вступил месяца три назад, в последнюю неделю уходящего года, звание новое носил чуть больше месяца. Новый кабинет, новый круг обязанностей, новые возможности и перспективы. Единственное, что осталось неизменным – это помощник Шабарова, подполковник Старцев, с которым они работали уже не первый год.

– Сегодня действительно погода на удивление приятная. – Подполковник Старцев поддерживал беседу. – Если верить синоптикам, тепло должно продержаться дней десять.

– Забудь. Синоптики всегда врут, – отмахнулся Шабаров.

– На этот раз угадали. Я вчера прогноз по радио слушал. Обещали тепло – вот оно и есть. – Старцев слегка улыбался. Он был младше Шабарова лет на пятнадцать и мог позволить себе считать генерала стариком со старческими же привычками.

– Ладно, посмотрим. – Шабаров тему погоды закрыл, пару минут посидел в тишине, подставив лицо солнечным лучам, затем открыл глаза и сосредоточил взгляд на Старцеве. – Такой расклад, Николай Викторович: вчера меня вызывал к себе начальник Первого главного управления Сахаровский. На встрече присутствовал Меньшиков. Знаешь, кто это?

– Посол в США, – коротко ответил Старцев, но краткий ответ Шабарова не удовлетворил.

– А конкретнее? – потребовал он.

– Меньшиков Михаил Алексеевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США с 1958 года. Ранее был послом в Индии и Непале. Еще раньше, в 1949-м, – министр внешней торговли. Что-то там не получилось, и Меньшикова освободили от должности министра, после чего он оказался на дипломатической работе, с которой справляется весьма неплохо.

– Банановая история. – Шабаров улыбнулся. – Товарищу Сталину как-то подали зеленые, неспелые бананы, а виновником в закупке мексиканской партии определили Меньшикова как министра внешней торговли. Меньшикова понизили в должности, и, как показало время, ему это пошло только на пользу. Как посол он показал себя гораздо лучше, чем как министр торговли. Но это все лирика. Наша история о другом.

– С Америкой новые проблемы? – высказал предположение Старцев.

– Да нет, с Америкой как раз все более-менее ровно. В отличие от Эйзенхауэра президент Джон Кеннеди из всех сил старается показать, что стремится к улучшению отношений между СССР и США. Правда, пока его инициативы направлены на помощь развивающимся странам. 1 марта он подписал распоряжение о создании Корпуса мира, 13-го – провозгласил программу «Союз ради прогресса», призванную обеспечить экономическое и политическое развитие Латинской Америки. К Советскому Союзу это отношения не имеет, но ведь и времени с момента, как он принял присягу и стал тридцать пятым президентом США, прошло всего два месяца. Как говорится, Москва не сразу строилась. Поживем – увидим.

– Тогда в чем дело? Почему Чрезвычайный и Полномочный Посол лично присутствовал при вашей встрече с начальником Первого главного управления КГБ СССР?

– Появилась информация о предателе Вике, – заявил Шабаров.

– Предатель Рудольфа Абеля? – Подполковник Старцев даже приподнялся на скамейке. – Вы не шутите, Алексей Петрович?

– Нет, Николай Викторович, я не шучу, – подтвердил свои слова Шабаров. – Два дня назад к послу Меньшикову обратился Оливер Гатри, бывший агент сети Абеля, с просьбой передать в КГБ информацию о местонахождении предателя Вика. Искать подтверждения слов Гатри Меньшиков, разумеется, не стал, но дипломатическую миссию оформил и, прибыв в Москву, явился к начальнику Управления внешней разведки.

– Да, удивили вы меня, Алексей Петрович. Когда сегодня назначили встречу, я готов был услышать что угодно, только не это.

Удивление подполковника Старцева легко объяснялось. История ареста разведчика-нелегала Рудольфа Абеля была известна каждому сотруднику Управления нелегальной разведки и, честно признаться, лежала позорным пятном на его репутации. Настоящее имя разведчика знали немногие. Вильям Фишер, сын марксистов-политэмигрантов, которых в далеком 1901 году выслали из России за революционную деятельность, родился в Великобритании и имел британское гражданство. В Россию он попал только в восемнадцать лет, отслужил в армии, был зачислен в радиотелеграфный полк, где показал неординарные способности радиста, а в 1927 году поступил на службу в иностранный отдел ОГПУ, откуда и началась его карьера разведчика.

В 1930 году он снова возвращается в Британию и начинает работу по организации агентурной сети. До 1937 года Фишер успел поработать в Норвегии и в Британии под агентурным псевдонимом Франк, затем вместе с семьей возвратился в Москву. Какое-то время служил в седьмом отделе внешней разведки. Во время войны вел работу по организации партизанской деятельности, где познакомился с разведчиком по имени Рудольф Абель. По окончании войны снова вернулся к работе разведчика-нелегала и был направлен в США, где ему пришлось восстанавливать агентурную сеть практически с нуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.